

Россия на перепутье

Текст: Владимир Гурвич

В Вольном экономическом обществе в рамках «Абалкинских чтений» состоялся круглый стол на тему «Экономический рост России». Основные мысли состоявшейся дискуссии ярко отражают значительную часть палитры взглядов российского общества на будущее страны.

Евгений Ясин • Руслан Хасбулатов • Дмитрий Сорокин • Георгий Цаголов • Владимир Давыдов • Георгий Клейнер

На что ушло 20 лет

С основным докладом выступил научный руководитель Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, профессор Евгений Ясин. Он указал на основные развилки, которые прошла страна за последние годы. Первая развилка — между демократизацией и империей в то время, когда мы подошли к моменту кризиса. Решение тогда принимал Михаил Горбачёв, и оно было в пользу демократизации. Следующая развилка — выбор между централизованным планированием и рыночной экономикой. Третья развилка сыграла существенную роль — это выбор между олигархией и бюрократией, и этот выбор был сделан в пользу бюрократии. Теперь на кону выбор между застоём и модернизацией. Модернизация призвана добиться того, чтобы мы имели темпы роста, опережающие ведущие развитые страны и, таким образом, постепенно бы их догнали.

Пока окончательный выбор не сделан. Есть три варианта модернизации. Первый — модернизация сверху, посредством решений, принимаемых по инициативе «верхов», и без предоставления больших возможностей для активности «внизу». Второй — это модернизация снизу или демократическая модернизация, от которой можно ожидать два основных сценария. Первый — «решительный рынок», и второй — «постепенная модернизация».

Почему нужна модернизация? — Посмо-

трим на динамику валового внутреннего продукта за последние 20 лет. Сначала это сильнейший спад, который начался в 1990-м году, а затем в течение последующих 10 лет, начиная с 1999 года, был восстановительный рост. В 2008 году объём ВВП составил 108% от уровня 1990 года. Поэтому можно сказать, что эти годы были годами восстановления, хотя структура экономики совершенно разная. «Поэтому говорить о восстановительном росте можно только с количественной точки зрения. И дальше наступил новый кризис, который вводит нас в новый этап развития страны», — отмечает Евгений Ясин.

Те факторы, которые обеспечивали в основном развитие российской экономики после трансформационного кризиса, можно разделить на две части: до 2003 года и с 2003 по 2008 год. В первой части процесс, в основном, опирался на те силы, которые были разбужены рыночными реформами. Во втором периоде мотором поступательного движения стали высокие цены на нефть, а также дешёвизна денег в мировой экономике.

Оба фактора оказали разное воздействие на экономику. Естественная деловая активность, которая поддерживалась духом реформ, понизилась. А повышение цен на нефть и дешёвизна денег ещё больше задавили деловую инициативу. «Однако в целом мы добились очень серьёзных результатов в развитии экономики», — уверен Евгений Ясин.

Но, те факторы, которые действовали, перестали работать. Сегодня мы можем рассчитывать только на естественную деловую активность, которая порождается нормально функционирующими экономическими механизмами. Если они создают препятствия для нее, то мы будем иметь и ограниченные возможности для экономического роста.

Модернизация должна была начаться непосредственно вслед за трансформационным кризисом. К началу кризиса в 2008 году тех показателей, которые были в Советском Союзе в 1990 году, страна не достигла. «Можно сказать, что нам не хватило времени, — слишком рано начался кризис, — отмечает Евгений Ясин. — Но, можно сказать и по-другому, что есть факторы, которые прекратили действовать и которые действовать продолжают, и не создают благоприятной обстановки для модернизации. Мы сами не порождаем те механизмы, которые нужны для высоких темпов экономического развития».

В 1999 году компания «Маккензи Глобал» подготовила доклад: «Россия: развитие возможно». В 1999 году никто не верил, что Россия станет подниматься. Тем не менее, доклад называл те факторы, которые нужно устранить для того, чтобы в России начался серьёзный экономический рост. В 2009 году был подготовлен следующий доклад компании «Маккензи Глобал». «Мы можем убедиться в том,

что те же факторы, которые действовали в 1999 году, все еще продолжают действовать», — сожалеет Евгений Ясин.

Динамика ВВП с 1989 по 2009 год показывает, что в 2009 году его уровень был, примерно, на 8% больше, чем до трансформации экономики. За 20 лет достигнуты незначительные результаты. «Но всё-таки надо иметь в виду, что произошли значительные социально-экономические и институциональные изменения», — отмечает Евгений Ясин. — Индекс роста покупательной способности среднедушевого дохода равен 1,45. Индекс расходов (нерыночные индивидуальные расходы — объём услуг, которые предоставляются образованием и здравоохранением) отрицательный, учитывая, что значительная часть этих услуг стала платной. В жилищной сфере ситуация особенно сложная, потому что рост цен на жилье периодами шел вровень с ростом цен на нефть. Индекс доступности жилья за этот период составил 0,57. Наконец, сводный индекс, в котором объединены показатели текущей покупательной способности, равен 1,32. Почему же такая разница? Как может динамика ВВП отставать от динамики валового благосостояния?».

По мнению Евгения Ясина, объяснение кроется в двух фактах. Во-первых, мы получали довольно большие номинальные доходы от нефти и других статей российского экспорта. В значительной части они распределялись среди населения. Во-вторых, доля сбережений населения резко упала, примерно, на 8% ВВП. Это очень серьёзный показатель. И сейчас ставится задача поднять долю накоплений для того, чтобы повысить темпы экономического роста. «Это хорошее пожелание, — обращает внимание Евгений Ясин, — но нужно учесть, что мы уже живём в рыночной экономике, и выбор делает население. Если мы хотим добиться более высоких темпов экономического роста за счёт более высокого уровня накоплений, то не должны держать процентную ставку по депозитам на уровне отрицательной доходности. А все эти годы доходность по депозитам была отрицательной, и продолжает такой оставаться».

За эти годы в стране уровень благосостояния вырос на 32%, но разрыв между различными слоями населения чрезвычайно велик. Проблема социального неравенства остаётся для страны чрезвычайно важной. «Мало сказать, что выросли доходы или ВВП, нужно понимать, кому все это достается, и какое настроение в обществе создает подобное распределение общего пирога», — констатирует Евгений Ясин.

Чуть помедленнее...

Евгений Ясин полагает, что существуют три основных сценария нашего будущего. Первый — модернизация сверху. При нем инициатива будет исходить от государства. Такая модернизация предполагает высокую долю государственных инвестиций и одновременно появление «треугольника недоверия» — между бюрократией, бизнесом и обществом в силу высокого уровня дифференциации доходов и нежелания бюрократии делиться своими полномочиями. Это весьма тревожная ситуация, потому что экономический рост в ситуации, когда мы не сможем опираться на такие факторы как цены на нефть или дешёвые деньги, становится проблематичным.

Есть мнение, что модернизация сверху во многих случаях давала существенный эффект, и мы могли бы снова прибегнуть к этому инструменту. «Но, обычно, успех достигается в том случае, когда отстающая страна, которая находится на выходе из аграрной стадии развития, имеет избыток дешёвой рабочей силы, а в окружающей среде не существует закрытого внешнего рынка для импорта технологий», — отмечает Евгений Ясин. — Практически все страны Восточной Азии достигли высоких успехов, включая Китай, именно благодаря такому курсу. Но, Россия не является аграрной страной, у нее нет избытка дешёвой рабочей силы. Более того, согласно расчётам, нам предстоит ежегодное сокращение рабочей силы примерно на 700 тыс. человек в течение ближайших 20 лет. Поэтому вариант модернизации сверху, который не допускает институциональных изменений, в том числе политических, успеха не принесет».

Следующие два сценария: «решительный

рывок» и «постепенное развитие». «Решительный рывок» является вариантом развития модернизации снизу, демократической модернизации. Он состоит в том, что мы уходим от схемы «общество на службе государству», к «государству на службе обществу». Этот вариант предполагает быстрые, качественные, решительные изменения. В первую очередь — модернизацию политической системы. Что касается перемен в экономике, то эта работа очень тщательная, основательная, которая слишком больших рывков не допускает.

В России должен быть реализован минимальный пакет либеральной демократии. Без него мы не сможем создать тот экономический, институциональный и политический механизм, который способен обеспечить конкурентоспособность нашей экономики.

«Опасность сценария «решительный рывок» в том, что он чреват новыми откатами назад», — предостерегает Евгений Ясин. — Мы можем не только не получить ускоренного развития, но, не исключено, что произойдет его замедление».

Третий сценарий — постепенное развитие — представляется наиболее реальным. Особенности этого варианта модернизации в том, что он опирается на инициативу снизу. Но, поток институциональных изменений ведёт к разрыву целостной институциональной системы, создавая возможности для усиления энергии для большего числа участников. Однако, наряду с положительной динамикой эта ситуация создает и дополнительные риски.

«Если мы выбираем в качестве базового варианта — модернизацию сверху — то получаем темпы экономического развития до 2050 года в среднем на уровне 1–2,5% ВВП, — отмечает Евгений Ясин. — Пока у нас 4%. Но убыль трудовых ресурсов, высокая степень недоверия и целый ряд других причин не позволят существенно повысить темпы экономического роста».

Вариант постепенного развития позволяет иметь более высокие темпы экономического роста — 3–4%. Это максимум того, что страна сможет достичь, если производительность будет расти на 5% в год. «Чего мы сможем добиться при условии

экономического развития по второму варианту, зависит от того, когда мы перейдём на него, — уверен Евгений Ясин. — Если мы переходим в районе 2024 года, тогда разница между первым и вторым вариантами практически стирается. Если мы переходим раньше, то тогда появляются шансы развиваться быстрее».

Успеть в последний вагон

По мнению Владимира Давыдова, директора Института Латинской Америки Российской Академии наук, ключевая проблема — это субъект перемен, субъект процесса модернизации. «Есть ли он в нашей стране? — спрашивает Владимир Давыдов, — Ведь его появление — долгий процесс. Поэтому нам нужна модернизация сверху, другого выхода просто нет. Поезд уходит, и сесть в последний вагон, нам нужно успеть. Поэтому ждать, пока будут вызревать объективные условия, когда у нас возникнет субъект прогрессивных перемен, уже нет возможности». Но можно посмотреть на эту ситуацию с другой стороны. Мы часто решаем дилеммы: «государство или частник», «государство или бизнес». «Но эти дилеммы ложные, — уверен Владимир Давыдов. — Нам нужен другой частник, нам нужен другой предприниматель, и нам нужно другое государство, потому что с прежним государством не получается модернизация».

Очевидно, когда мы говорим о модернизации, подразумеваем, что речь идёт о накоплении и инвестиционном процессе. Каким может быть инвестиционный процесс, если утечка капитала постоянно обескровливает нашу экономику? Почему в этом направлении ничего не делается? «В России степень управления экономикой через офшоры — рекордная, — отмечает Директор Института Латинской Америки Российской Академии наук. — Этого нет в других странах. В Бразилии это максимум 5–7%. Но, в такой ситуации невозможно провести модернизацию, так как интересы управленца из офшора расходятся с интересами российской экономики. Нужно поставить препоны офшорному управлению».

Тюрьма — не место для предпринимателей

«Экстенсивным ростом производства угля, нефти и газа мы не решим задач развития, — уверен Дмитрий Сорокин, первый заместитель директора Института экономики РАН. — Этот вопрос решается рынком, и мы должны считаться с издержками. Мы являемся одним из крупнейших экспортёров металла, но вынуждены конкурировать с иностранными производителями при том, что уровень производительности в российской металлургии составляет только 33% от уровня в американской. Спрашивается: «За счёт чего мы могли бы развиваться?». — Сейчас мы выдерживаем конкуренцию на мировом рынке благодаря низкой заработной плате. В Америке очень высокие зарплаты. И поэтому она сегодня не может предлагать конкурентоспособную продукцию, потому что издержки в Китае ниже».

Если мы не сможем больше экспортировать нефть и газ, то что же будем предлагать рынку? «У нас есть излишки сельскохозяйственных угодий, пригодных для зернового хозяйства, — отмечает Дмитрий Сорокин. — Продовольственная ситуация на мировых рынках обостряется. Но, что выясняется? — Сегодня центральное звено — это семеноводство. А оно немыслимо без геной инженерии, без генномодифицированных продуктов. Но у нас по этому поводу хранится молчание».

Говоря о глобальных проблемах, с которыми будет сталкиваться отечественная экономика, нужно выделить центральный вопрос, который определит ее лицо при переходе от интенсивного развития к экстенсивному. «Мы должны от разговоров о том, как дать больше угля, больше металла, нефти и газа, перейти к тому, каковы у нас институты, какую среду мы предлагаем для бизнеса, — уверен первый заместитель директора Института экономики РАН. — Высокая деловая активность бизнеса будет опираться на благоприятные институциональные условия. В каких взаимоотношениях находится бизнес с прокуратурой, со следственным комитетом? У нас ведётся просто преследование бизнеса: в стране из 800 тыс. заключённых 100 с лишним тыс. — это предприни-

матели. Но, как же мы собираемся обеспечивать рост экономики? Кто это будет делать?».

Что внизу, то и наверху

Нельзя не учитывать многоукладность экономики. Это здание, в котором огромное число этажей, и каждый этаж необходим. Каждый этаж влияет на другие. На макроуровне происходят глобальные экономические процессы. «Но, где мы с вами живём? — спрашивает Георгий Клейнер, член-корреспондент РАН. — Мы живём, главным образом, на предприятиях и в организациях, куда приходим на работу каждый день. Именно с этого уровня растёт экономика. Если на наших предприятиях не производится конкурентоспособная продукция в достаточных количествах, есть ли смысл искать другие причины? Ситуация в этом нижнем слое экономики, такова, что пока здесь не произойдут кардинальные перемены, ни один из этих сценариев с положительным исходом не может быть реализован».

Что происходит на этом уровне? «Работники противостоят менеджменту, менеджмент противостоит собственнику, — отмечает Георгий Клейнер. — И как только собственник отвернётся, менеджер, как едок под одеялом, пытается быстро-быстро что-то съесть, а потом снова вынырнуть. Собственник ведёт себя как «слон в посудной лавке», у которого нет никаких ограничений, кроме собственных желаний. Работник — это прислуга, которая отвечает за всё. А специалисты — это носители знаний, которые только и могут двинуть нашу экономику, они вообще исключены из процесса принятия решений».

Поэтому, по мнению Георгия Клейнера, какой бы сценарий мы не рассматривали, должны определить, какого характера перестройка должна быть на предприятии. Без революционных изменений на этом уровне мы не сможем модернизировать экономику в целом.

Что будем консервировать?

По словам Руслана Хасбулатова, заведующего кафедрой мировой экономики

Плехановского университета, члена-корреспондента РАНМ, мы привыкли рассматривать экономику, как целое, состоящее из набора блоков — отраслей: промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг. «Без изучения сдвигов в отраслевых группах, без отслеживания долгосрочных трендов в их развитии, наш экономический анализ будет иметь достаточно абстрактный характер, — уверен Руслан Хасбулатов. — Из него никогда ничего не получится, и не получалось, и не будет получаться. Говорим о модернизации. Она что, имеет какое-то своё божественное начало? Модернизация осуществляется в конкретных отраслях, на конкретных производствах».

Должна быть ясность в том, что представляет собой экономика, как она развивается. «Я давно читаю ежегодные доклады Президента США Конгрессу, — отмечает Руслан Хасбулатов. — Каждый доклад начинается с 1900 года и отслеживает тренд по последний год, который даёт американская статистика. С другой стороны, не совсем корректно сравнивать нас с Америкой. Мы пока переходная страна, что подтверждается, прежде всего, отсутствием естественной конкуренции. Да, у нас капитализм, у нас рынок, но этот рынок без конкуренции».

Олигархический капитализм: продолжение следует

По мнению Георгия Цаголова, доктора экономических наук, профессора Международного университета в Москве, при выборе модели развития для России надо определиться с исходными положениями. Одна из развилки — это 2003 год. Есть мнение, что закончилась эпоха господства олигархического капитализма, созданная в середине 90-х годов, и началась новая эпоха, которая характеризуется, как «эпоха государственного капитализма». Так ли это? «Олигархический капитализм не умер, а получил дальнейшее развитие, — уверен Георгий Цаголов. — Монополизировав добычу сырья, олигархи не желают идти в обрабатывающую промышленность. И в этом гвоздь всей проблемы. Никакой модернизации быть не может, потому что в руках у них находится экономическая власть, а они довольствуются гигантскими прибылями, которые получают в этой сфере. Они срослись с частью чиновничества, но это все же не альянс, так как реальная власть находится у олигархии. Малый и средний бизнес страдают в большей мере не от чиновничества, а от засилья монополистического капитала, потому что он все поры экономики захватывает, и новому предпринимателю практически идти некуда. Сейчас войти в бизнес значительно сложнее, чем это было в 90-х годах. Сегодняш-

ний капитализм следует определить не как государственный, а как спекулятивный, бюрократически-олигархический капитализм. И эта формулировка должна быть в основе построения различных моделей».

«Россией был реализован худший из всех вариантов выхода из социализма, и поэтому мы находимся всё ещё в том состоянии, из которого надо выходить, — сожалеет профессор Международного университета в Москве. — Был ли другой вариант? — Да, был. Только что вышла книга Элеоноры Пивоваровой: «Социализм в китайской специфике». И там показано, как можно было сделать это у нас постепенно. Но не получилось. Как теперь можно выкрутиться, выбраться из этой ситуации?».

Латиноамериканский континент, Бразилия показывают положительный пример. У них была такая же ситуация, как у нас: пессимизм и всё плохо, но руководство страны сумело вырвать её из этой ситуации.

Выбор для России модели развития требует, прежде всего, правильной диагностики того, где мы находимся сегодня, — уверен Георгий Цаголов. — Без нее нельзя лечить болезнь и нельзя двигаться по какому-либо пути». Только правильный диагноз даёт возможность дойти до цели. Надо определить недуг, а потом двигаться, для того, чтобы его вылечить.

ФОРУМ
«ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ 2012»
28—29 марта, Москва

Fi FINANCIAL
FORUM INNOVATION

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БАНКОВ И ИНВЕСТОРОВ

Основные темы форума:

Как выбрать оптимальную юрисдикцию и форму деятельности для работы с зарубежными инвесторами?
Практика работы западных фондов на российском рынке.
Как привлечь западных инвесторов?
Как создать управляющую компанию и получить лицензию на финансовую деятельность за рубежом?
Какие новые финансовые продукты и услуги для клиентов могут принести больше прибыли банкам и УК?
Какие контрагенты нужны для инвестиционного фонда за рубежом и как их правильно выбрать?
Куда инвестируют иностранные инвесторы и почему?
Западный опыт создания финансовых центров.

Гибралтар, Великобритания, Германия, Швейцария, США, Люксембург, Франция, Бельгия и Нидерланды

Место проведения: ВЦ Инфопространство (г. Москва, 1-й Зачатьевский переулок, дом 4)

Информация о форуме и регистрация: www.fi-forum.com / info@fi-forum.com / +7 904 604 922 1